

ДЖОЙС КЭРОЛ ОУТС

48 УЛИК

INSPIRIA

Москва

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Сое)-44
О-90

Joyce Carol Oates

48 CLUES INTO THE DISAPPEARANCE OF MY SISTER

Copyright © 2023 by Joyce Carol Oates

Художественное оформление *Дарьи Васильченко*

Оутс, Джойс Кэрол.

О-90 48 улик / Джойс Кэрол Оутс ; [перевод с английского И. Новоселецкой]. — Москва : Эксмо, 2024. — 288 с.

ISBN 978-5-04-194742-2

Двадцать два года назад ранней весной исчезла М. Моя старшая идеальная сестра просто растворилась в воздухе по пути на работу. Полиции не удалось найти ни улики, ни свидетелей. После нее осталось лишь белое шелковое платье-комбинация и следы на улице, ведущие к дороге. Оказывается, я была последней, кто видел сестру в то утро. Всего лишь отражение в зеркале, но я ведь видела ее?..

За все эти годы полиции удалось отыскать одну-единственную зацепку — кошелек М., брошенный на обочине шоссе, ведущего из города. И никого не смутило, насколько показной была эта улика. Детективы тут же повелись на это, но только не я. Я знаю гораздо больше, чем они могут себе представить. Нужно лишь быть осторожной, чтобы не вызвать их подозрений.

Двадцать два года тайна исчезновения красивой и успешной художницы Маргариты Фулмер оставалась неразгаданной. И лишь 48 подсказок, известных только мне, могут привести к М.

УДК 821.111-312.4(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Новоселецкая И., перевод на русский язык, 2024
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-194742-2

Посвящается Отто Пенцлеру

Часть
первая

Глава 1

Шелк.

Белый, воздушный шелк. Лужа шелка, вялыми складками растекшаяся на полу, там, где (предполагает охочий до пикантных зрелищ созерцатель/вуайерист) она обнажила тело, стряхнув с себя платье. Там, где оно соскользнуло с нее, будто змея. Белая змея, белая, как нетронутый снег, как камелии, сползла по ее ногам на пол и с шипением улеглась на ковре.

Бесплотная, невесомая груда шелка, источающая слабый аромат благоуханного женского тела.

Это ли не ключ к разгадке? Платье-комбинация от Диор из тончайшего белого шелка. Оно принадлежит моей сестре М. И оно же было обнаружено на полу ее комнаты.

Сразу же после исчезновения М. 11 апреля 1991 года.

Или этот предмет одежды не имеет особого значения? Так, обычная вещь, случайно попавшаяся на глаза? Несущественная, малозначительная деталь? *Не* ключ к разгадке?

(В более поздний период истории, в XXI веке уж точно, белое шелковое платье М. исследовали бы на предмет ДНК, в частности, проверили бы, нет ли

на нем такой грязной улики, как *сперма*. Но в 1991 году в маленьком городке Аврора на берегу озера Кайюга в штате Нью-Йорк о судебной экспертиологии знали мало, и потому элегантно шелковое платье на бретельках от Диор аккуратно висело на плечиках в гардеробе М., куда его убрала я, заботливая младшая сестра, и все те годы, чистое и опрятное, ждало ее возвращения.)

(Хотя, конечно, шелковое платье на полу в комнате М., наверное, можно счесть «ключом к разгадке», если знать, сама ли М. купила его во время своего трехгодичного пребывания в Нью-Йорке или оно было подарено ей любовником. И если это подарок, тогда от кого?)

(Впрочем, подозрение должно бы вызвать уже то, что платье было брошено в спешке или по небрежности, а ведь М. любила порядок и обычно, уронив на пол что-то из одежды, немедленно поднимала вещь, вешала ее в шкаф или аккуратно складывала и убирала в ящик комода.

Маргарита Фулмер слыла *невозмутимой, спокойной, хладнокровной* женщиной. Она была скульптором – и по профессии, и по своей природе. *Сама* обтесывала, лепила, придавала формы, но *чужому влиянию* не поддавалась.)

(Неряшливость скорее была характерна для Дж. – «проблемной» младшей сестры М. Это она имела привычку бросать на пол в своей комнате одежду, которая копилась там по многу дней, а то и недель, и не позволяла домработнице что-либо трогать в ее спальне. Но поскольку Дж. никуда не пропадала из Авроры, никому дела не было до беспорядка в ее

комнате, и за двадцать два года ни у кого не нашлось времени на то, чтобы все там тщательно осмотреть.)

Шелк. Белый, воздушный шелк. Мерцая и переливаясь, соскальзывает с женских бедер, с голого тела цвета слоновой кости, обнажает его с шуршанием, похожим на шипение змеи. И ты смотришь, сама того не желая, ведь подглядывать унизительно, это попрание собственной гордости, самоуважения. Пытаешься не смотреть, однако (беспомощно) наблюдаешь, как легкое платье-комбинация падает на пол, растекается лужицей у бледных обнаженных женских ног.

Глава 2

Зеркало в зеркале.

Именно в зеркале, в котором отражалось другое зеркало, я увидела сестру утром того дня, когда ей предстояло «исчезнуть» из нашей жизни.

То есть мне случилось увидеть именно отражение М., потому как саму Маргариту я (фактически) не видела – только ее силуэт в зеркале.

(О человеке, чей образ [отраженный] мы видим, принято говорить, что это тот или та. Расхожее, но не совсем точное определение. Правда, отражение М., на которое я в тот день взглянула, было отражением [загадочной, непостижимой] М. Я увидела *отражение отражения*.)

В нашем доме день всегда начинается очень рано. Зимой, еще не рассвело, а мы все уже на ногах, а бывает, и при полном параде.

Тогда был апрель. По-зимнему холодный рассвет медленно – неохотно – рассеивал темноту ночи, словно божественное око, мало-помалу озаряя свинцовое небо.

Я шла вниз и, минуя комнату М., заметила, что дверь отворена, будто ее распахнуло сквозняком. Меня это удивило: обычно М. плотно закрывала дверь, чтобы ни у кого не возникло соблазна зайти и поже-

лать ей доброго утра. Не устояв перед искушением, я заглянула в комнату сестры и примерно в шести футах от себя в вертикальном зеркале на внутренней стороне полуоткрытой дверцы платяного шкафа увидела отражение М. Сама она находилась в дальнем конце комнаты, стояла перед туалетным столиком с зеркалом. От неожиданности я невольно задержала на ней взгляд, толком даже не сознавая, что вижу призрачное лицо сестры в зеркале на дверце шкафа, в котором отражалось зеркало туалетного столика, — то есть смотрю на ее *двойное отражение*.

Теперь, двадцать два года спустя, все это вспоминается как некий таинственный сон, разгадку которого за минувшее время я так и не нашла. Напротив, вопросов только прибавилось.

(Возможно, боковым зрением я «увидела» на полу платье от Диор, но в ту минуту этого не сознавала. И если теперь, когда я вспоминаю то мгновение, мне кажется, что я отнюдь не безотчетно обратила на это внимание, значит, мой разум самым изощренным и коварным способом обманывает сам себя.)

(Нет, я *не видела*, как тонкое платье соскользнуло с голого тела сестры и белой переливчатой лужицей растеклось у ее ног. Я уверена, что *не видела* этого, хотя кажется, будто та картина стоит перед глазами.)

Зато я совершенно ясно помню, как моя (восхитительная) (обреченная) сестра стояла ко мне спиной в дальнем конце комнаты и расчесывала прямые белокурые волосы с серебристым отливом, отражаясь в вертикальном зеркале, к которому были прикованы мои глаза. Я наблюдала за ней с некой испуганной зачарованностью, а сама думала: «Нет, это запрещено!» Со страхом тарашилась на сестру, будто была

не взрослой женщиной двадцати пяти лет, *сформировавшейся* личностью, так сказать, а подростком. Девочкой-подростком, с малых лет благоговевшей перед (надменной, элегантной) сестрой, которая была старше меня на шесть лет.

Когда смотришь в открытую дверь на святая святых чужой жизни, возникает ощущение неловкости: ты боишься, что увидишь другого человека, сестру, в состоянии не предназначенной для твоих глаз интимности – в состоянии наготы.

Была ли М. обнаженной, когда стояла перед зеркалом туалетного столика, отражавшемся в зеркале на дверце шкафа? Белая прямая спина, идеальный изгиб талии, красивые ягодницы, бедра, стройные ноги. Линия позвоночника, изящные запястья, лодыжки.

(Разумеется), сообщая полиции, что я (мельком, совершенно непроизвольно) заглянула в комнату сестры, я ничего не сказала про то, во что была одета М. Если бы кто-то из следователей додумался спросить меня об этом (а ведь ни один не поинтересовался), я бы, морща лоб, ответила: «О, даже не знаю, в халате, наверное. В чем же еще?»

Ничто так не раздражает, как чужое любопытство, стремление постороннего человека сунуть нос в твои тайны.

Не лезьте в личную жизнь моего отца, и в мою тоже. Держитесь от нас подальше, черт бы вас побрал!

Вне сомнения, к тому времени М. уже приняла душ в своей устаревшей ванной с едва функционирующим оборудованием, где, наверное, она долго намывала шампунем длинные роскошные волосы, которые (небезосновательно полагала я) она мыла несколько раз в неделю – из тщеславия. М. гордилась собой,

своей внешностью. Природа наделила ее, так сказать, «классической» красотой.

А вот я, младшая сестра Дж., зачастую неделями не удосуживалась помыть голову, да и вообще не имела желания задумываться о своей внешности – по вполне понятным причинам.

М. пользовалась щеткой с золоченым корпусом, некогда принадлежавшей нашей маме. Томными движениями расчесывала волосы по всей длине, отчего они электризовались и трещали.

Да, на *это* я обратила внимание. На *треск* статического электричества. От него волосы на моих руках тоже вставали дыбом.

Странно, что М. меня не заметила. *Не догадалась о том, что стремительно надвигается на нее из будущего, летит на расправленных темных крыльях.*

Я едва сдержалась, чтобы не окликнуть ее: «Эй, привет! Привет».

Я едва сдержалась, чтобы не предостеречь ее: «Маргарита! Берегись!»

Если б я позвала сестру, обратила бы она на меня взгляд в зеркале (в зеркалах) или, вздрогнув, обернулась бы ко мне?

Этого я никогда не узнаю. Потому что заговорить с ней не осмелилась.

До сего дня феномен *зеркала в зеркале* остается загадкой: *маловажная подробность, случайность* в тот критический момент. И все же это *существенная* деталь. Ведь если бы на какое-то время два зеркала не расположились на одной линии, я не смогла бы в последний раз увидеть свою сестру. Эффект *зеркала в зеркале* был необходимым условием, поскольку при обычных обстоятельствах дверь ее комнаты

загородила бы от меня М., стоявшую перед туалетным столиком.

Получается, что волею случая холодный сквозняк в коридоре на втором этаже распахнул дверь комнаты М. Впрочем, это не стоит расценивать как неожиданность: в нашем старом доме дует изо всех щелей.

(Сквозняк, распахивающий двери, – досадное неудобство, с которым я сама научилась бороться: когда находилась у себя в комнате, непременно дверь изнутри подпирала тяжелой стопкой книг.)

«Комната» М. – как ее называли – представляла собой не одну, а целых три смежные комнаты на восточной стороне дома. Из их окон открывался вид на пенящиеся волны озера Кайюга – одного из крупнейших «живописных» Пальчиковых озер¹, раскинувшегося примерно в ста футах от нашего дома.

Моя комната – в единственном числе – располагалась через коридор, соседствуя, но, разумеется, не соединяясь с покоями главы дома – анфиладой комнат, занимавших всю остальную часть второго этажа.

(Это были комнаты отца. Я туда не заходила по собственной инициативе или появлялась там крайне редко. Обычно только по приглашению. Некогда родительские покои благодаря стараниям мамы были красиво убраны, но с годами убранство обветшало, приобрело неухоженный вид. Отец давно жил там один и делал это неохотно. Он предпочитал проводить время в своем офисе в деловом районе Авроры

¹Пальчиковые озера (Finger Lakes) – группа озер на западе штата Нью-Йорк (США). Обычно в нее включают 11 пресноводных озер, имеющих узкую удлиненную форму, вытянутую преимущественно с севера на юг.

или в домашнем кабинете, расположенном в глубине дома на нижнем этаже.)

Идя по коридору, я лишь на мгновение задержалась у приоткрытой двери комнаты М., словно это был не катастрофический, пожалуй, даже судьбоносный день (если судить задним числом) в жизни нашей семьи, а самый обычный. Направлялась я к парадной лестнице с перилами из твердой древесины и широкими ступеньками, застеленными потертой темно-бордовой ковровой дорожкой. Эта лестница разительно отличалась от «черной» – узкой, с более дешевым и тонким покрытием, – которая наряду с семью спальнями и пятью ванными тоже имелась в нашем старом массивном доме на Кайюга-авеню, построенном в стиле эпохи Тюдоров.

Шла я как лунатик, зачарованная эффектом «зеркала в зеркале» (о чем тогда я еще знать не могла), который буду вспоминать многие-многие годы. Зеркала М. на вид были отнюдь не зловещими, а скорее нейтральными, как любое стекло, независимо от того, что мы через него видим. Но именно потому, что в поле моего зрения эти два зеркала на мгновение случайно сошлись на одной линии, создалось впечатление, что они, будто предостерегая, наделили аурой нереальности, иллюзорности, даже некой фантасмагоричности типичную бытовую картину: одна из обитательниц дома, минуя комнату старшей сестры, спускается к завтраку примерно в 7:20 утра на заре наступающего дня, одного из многих, как казалось, самых обычных, ничем не примечательных дней в апреле 1991 года.

В связи с чем возникают сомнения: «заглянула» ли я через те зеркала в глубь некой сокровенной непостижимой тайны или то *зеркало в зеркале* само по себе являлось некой сокровенной непостижимой тайной?